

Феликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО
ИСТОРИИ

Мои Великие старики

Медведев Феликс Иванович
политолог, публицист,
автор и редактор, на протяжении
многих лет главный редактор
журнала "Огонек".
Медведев
Ф.И.

обн

Окно в историю

Феликс Медведев

Мои Великие старики

«БХВ-Петербург»

2012

Медведев Ф. Н.

Мои Великие старики / Ф. Н. Медведев — «БХВ-Петербург»,
2012 — (Окно в историю)

В книгу вошли интервью и воспоминания, посвященные судьбам «Великих стариков» ушедшего столетия. Среди героев книги – неординарные личности, своими деяниями и судьбой вписавшиеся в историю XX века: Габриэль Гарсиа Маркес и Михаил Горбачев, Шимон Перес и Илья Глазунов, Арсений Тарковский и Курт Воннегут, Александр Есенин-Вольпин и князь Тарановский, личный фотограф Л. Брежнева Владимир Мусаэльян и племянник Николая II Тихон Куликовский-Романов... С героями книги автор встречался на протяжении нескольких десятков лет. У многих брал интервью для прессы, с кем-то дружил. Книга логически продолжает предыдущий том «Мои Великие старухи», посвященный выдающимся женщинам XX века.

© Медведев Ф. Н., 2012

© БХВ-Петербург, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. В Переделкине с Арсением Тарковским	7
В плену у Маруськи Никифоровой	9
Письмо от маршала Пилсудского	10
Юный Арсений признался Сологубу в своем «грехе»	11
Застал Цветаеву за стиркой белья	12
Обругал самого Рокоссовского	14
Рассыпанная первая книга	15
Первое впечатление бывает обманчивым	16
«Анна Андреевна, я не Дантес!..»	17
Хотел застрелиться из-за потерянной строки	19
Александр Фадеев: «переводы Тарковского надо немедленно издать!»	20
«Твой сын, – несчастный и замученный Андрей Тарковский...»	21
Глава 2. О Василе Быкове, Трава после нас	24
Москва, улица Воровского, 52. Союз писателей СССР, лавочка в сквере	26
Глава 3. Соблазн и шок по Сан-Лорану	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Феликс Медведев

Мои Великие старики

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

«Мы – русские, и нас не сломит ничто...»

С героями этой книги я встречался на протяжении нескольких десятков лет. У многих брал интервью для прессы, с кем-то дружил, а «Великий старик» венгр Золтан Партош, фрагменты драматической судьбы которого завершают книгу, – мой родной дед – революционер, врач, поэт, романтик.

Я думаю, что сегодня, по прошествии немалого срока, интересны рассуждения мудрых «стариков» – писателей, политиков, актеров, историков – о переломном моменте истории – перестройке, да и о жизни вообще. Тогда, в конце 80-х, казалось, что старшее поколение не готово переиначивать жизнь, бросаться вместе с нами на баррикады. Теперь-то очевидно, что они, повидавшие жизнь, во многом оказались правы. Их честные, я бы сказал, часто провидческие мысли мне представляются очень актуальными. Не беспочвенны были их опасения, что, круша в революционном ажиотаже старое, можно уничтожить вечные ценности, и тогда потомки наши не будут «помнить родства». «В рубке с плеча можно многое потерять, и потерь этих нам не простят», – увещевал восточный старик Расул Гамзатов.

Интервью, вошедшие в книгу, намеренно печатаются в том виде, в каком они были написаны и впервые опубликованы, потому что в размышлениях моих героев ощущается атмосфера 80—90-х годов, то есть горбачевско-ельцинских времен.

Судьбы тех или иных персонажей настолько сложны и противоречивы, что присутствие их в книге может вызвать непонимание. Во время моей работы над книгой, на канале НТВ показали фильм о трех днях президента Ельцина, в котором была четко обозначена роль председателя КГБ В. Крючкова в драматических для России событиях августа 1991 года. Герой фильма вызывает резко негативное отношение как организатор путча против демократии и свободы. Стоило ли включать в книгу биографию этого человека? Я беседовал с ним десять лет назад, и уже тогда увидел изможденного болезнями пожилого человека, который отвечал на мои вопросы глухим, отрывистым голосом. По-человечески мне было его даже жалко. О некоторых моментах своей жизни он не хотел говорить, но интервью, я считаю, получилось интересным. И я оставил в книге беседу с одиозной личностью, свидетелем и участником многих закулисных страниц нашего прошлого.

Жизнь другого персонажа – А. А. Тарановского полна загадок, неясностей. Русский дворянин, князь, родившийся в Шанхае и проживший на чужбине много лет, работавший на советскую военную разведку, после войны вернулся на родину и был осужден на 20 лет за... шпионаж. Работая в «воспетой» Солженицыным Марфинской шарашке, он, высококлассный радиоэлектронщик, стал одним из создателей шифровального прибора для телефонных переговоров Сталина.

Князь Тарановский любил повторять: «Мы – русские, и нас не сломит ничто».

Все мои «Великие старики» – неординарные личности. Каждый сделал в жизни все, что мог. Каждый по-своему вписался в XX век, но можно твердо сказать, что все они оставили свой след в горячей истории России.

Феликс Медведев

Глава 1. В Переделкине с Арсением Тарковским

«Судьба моя сгорела между строк...»

Декабрь 1987 года. Переделкино, маленькая комнатка Дома творчества. Я ненароком вторгся в размеренное бытие Арсения Александровича Тарковского и его жены, переводчицы Татьяны Алексеевны Озерской – адресата многих его лирических стихотворений, и в течение десяти вечеров, мучая вопросами, слушал рассказы о жизни и работе в литературе одного из лучших наших поэтов.

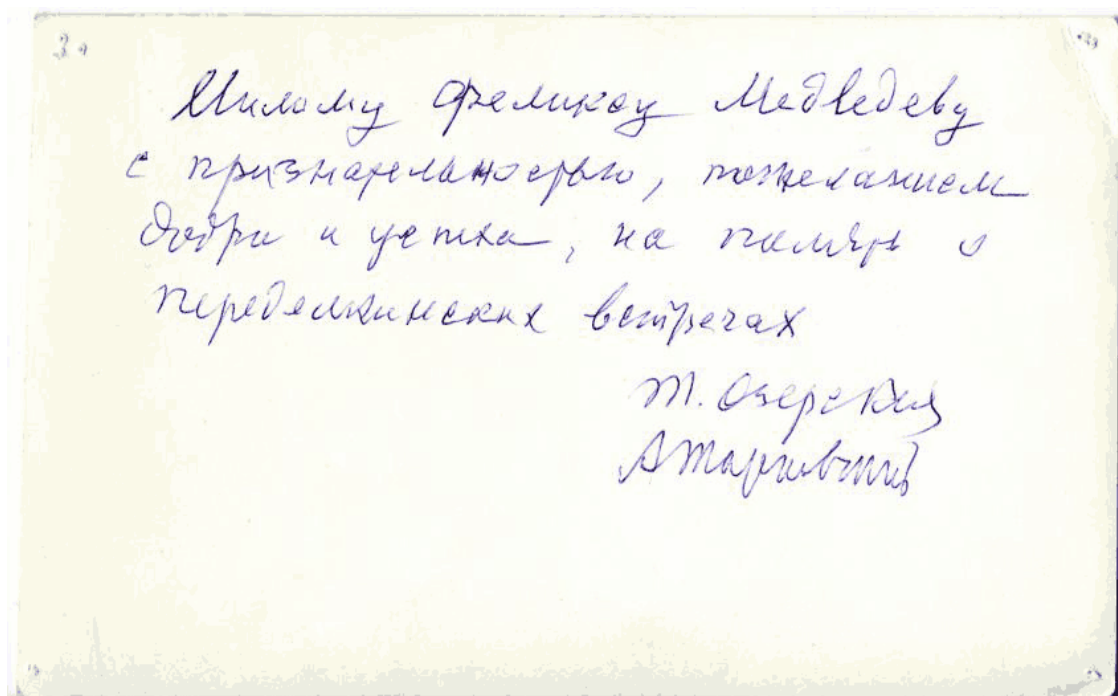
Он вскрикивал неожиданно и протяжно. К этому нельзя было привыкнуть, и каждый раз я не знал, как себя вести: молчать, сочувствовать, извиняться.

«Фантомная боль – ощущение отсутствующей ноги, – пояснила Татьяна Алексеевна. – Два года, с зимы 41-го по зиму 43-го Арсений Александрович пробыл на фронте. И почти все время на передовой».

Больше говорила Татьяна Алексеевна. Половина жизни Арсения Александровича прошла на ее глазах, и мне показалось, что она знает о нем почти все. Самому ему говорить было трудно: недавно перенесенная болезнь отняла много сил. Он быстро уставал, и тогда мы медленно поднимались на второй этаж, в кафе, где заваренный на травах чай возвращал ему чуточку бодрости.

С Арсением Тарковским и его супругой

Биография любого человека может быть интересна современникам, биография такого человека, как Арсений Тарковский, интересна вдвойне. Ибо все в ней волнует, заставляет оглянуться назад, задуматься над творчеством художника, написавшего строки:

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

В плену у Маруськи Никифоровой

...Гражданская война. Завладев городом Елисаветградом, атаманша Маруська Никифорова¹ допрашивала пленных в штабе, расположенном в бывшем кавалерийском училище. Бронепоезд стоял на станции. Город оцепенел, устав от голода и войны. Все знали, что атаманша мстит за смерть соратников.

Она сидела в кресле, опустив голову. Короткие прямые волосы, свисая, закрывали лицо. На столе – маузер. За спиной – охранник в тельняшке. Пленных предварительно содержали в камере, а потом приводили на допрос.

Перед атаманшей стоял мальчик лет двенадцати. Его привел здоровенный казак. Среди задержанных был и старший брат этого мальчика, бросивший бомбу в атаманшу.

– Я же сказала, не брать хлопчиков, – приподняла голову Маруська. – Разобраться и доложить!

Потом открыла ящик стола, достала ярмарочный витой, обернутый серебрецом леденец и, поглаживая мальчика по голове, протянула ему: «Гарный хлопчик...»

Казaku, приведшему ребенка, было дано распоряжение отвести его домой и взять от родителей справку, что довел благополучно. Проходя коридорами кавалерийского училища, где мальчику было все так знакомо, ибо здесь преподавал математику его дядя, казак чертыхался и, приговаривая «набрѣдло всѣ», жалобно стонал.

На стук в окно выглянула мать:

– Где же ты был, я весь город обегала... Не сидится дома, смотри, что творится кругом.

Мальчик признался, что был в плену, но постыдился сказать, что у Никифоровой, а казак многозначительно добавил: «Атаманша...» В записке, которую дала казaku сельская учительница Мария Даниловна, говорилось: «Арсения Тарковского, ученика 3-го класса гимназии Крыжановского, доставили домой благополучно».

¹ Маруся Никифорова – одна из предводителей анархистского движения, соратница Нестора Махно, действовала на юге России. Арестована и повешена в 1919 году.

Письмо от маршала Пилсудского

Отец будущего поэта Александр Карлович, самый любимый герой всей его жизни – народоволец-восемидесятник. Более десяти лет протомился он в ссылке за Якутском, где вел обстоятельные записи об этой земле, ее людях, обычаях. О тех, кто волею судеб оказался рядом с ним. Когда в 1920 году буденновская армия взяла Елисаветград, Александра Карловича пригласили в особый отдел Первой конной армии, чтобы «объясниться» по поводу посылки и письма, пришедших на его имя из Польши. Письмо гласило: «Дорогой Саша! Я теперь неплохо устроился, я маршал Польши. Целую тебя. Приезжай, привози семью, коли женат. Твой Юзеф». «Судьбою правит случай», – бывший ссыльный припомнил человека по фамилии Пилсудский. – Неужели это он?

Времена были крутые, и Александр Карлович понимал, что значит получить вести от руководителя военными действиями против Советской России со стороны Польши. Он догадался взять с собой письмо Ленина, в котором Владимир Ильич, лично знавший А. К. Тарковского, просил его написать воспоминания о «Народной воле». Письмо это и спасло ему жизнь. Комиссар чуть ли не с почестями отправил адресата посылки восвояси.

– Письмо Ленина я отдал в Музей революции сразу же после смерти отца, еще в 20-е годы, – сказал Арсений Александрович.

Юный Арсений признался Сологубу в своем «грехе»

Небольшой украинский городок слыл центром культурной жизни. Сюда приезжали известные композиторы, музыканты, писатели. Выступал с лекциями Бальмонт. Одно из детских потрясений Тарковского – вечер знаменитых российских поэтов Игоря Северянина и Федора Сологуба. Шестилетнего мальчика родители взяли на этот вечер. До сих пор Арсений Александрович не может понять, почему ему понравился именно Сологуб. Но случай этот не остался без последствий. Юноша, всерьез начавший «жить стихом», решился на поездку в Ленинград.

– Мне очень хотелось еще раз увидеть Сологуба, поблагодарить его за стихи, сказать, что я помню его с детства. С трудом в незнакомом городе нашел квартиру знаменитого поэта. Когда я вошел к нему, он был грустен и одинок. Не заживала душевная рана после гибели любимой жены и друга Анастасии Николаевны Чеботаревской. За стеной назойливо играли гаммы. Я спросил Федора Кузьмича, не удручают ли они его. «Нет, – ответил тот, – мне не так одиноко». Поставил три прибора. Третий для той, ушедшей из жизни, – такой в доме был ритуал.

Сологуб расспрашивал меня о Елисаветграде, о родителях, о любимых поэтах, долго не отпускал и лишь под конец неожиданно спросил: «А сами-то вы стихов не пишете?» Я признался в своем «грехе». Он попросил почитать что-нибудь и, выслушав, вынес приговор: «Это очень плохие стихи, молодой человек, но вы не теряйте надежды, пишите, быть может, что-нибудь у вас и получится». Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

Когда я уходил, хозяин дома подал пальто. Я смутился, а он пошутил: «Молодой человек, я подаю вам пальто не из подхалимства, а потому, что я член добровольного общества взаимного подавания пальто». И уже почти вдогонку предложил мне свою книжку, но взять ее я не посмел. Больше мы не встречались.

Застал Цветаеву за стиркой белья

О дружбе Тарковского с Мариной Цветаевой в короткий отрезок времени – с ее возвращения на Родину до отъезда в эвакуацию – ходят легенды. Одна из них окрашена в романтические тона. На самом деле все было так.

Через переводчицу Яковлеву Тарковский послал Цветаевой книжку стихов переведенного им туркменского поэта Кемине. Перевод ей очень понравился, и она написала в записке: «Вы все можете». Состоялось личное знакомство, перешедшее в пылкую, но кратковременную дружбу. Марина Ивановна жила тогда в маленькой комнате невдалеке от Главпочтамта. Тарковский приходил к ней в гости, и они отправлялись гулять. Цветаева любила ходить пешком, используя для этого любую возможность. Шагала она удивительно быстро, и спутник едва поспевал за ней. Беседовали в основном во время прогулок. Она подолгу рассказывала о своей любимой Праге, о парижской жизни, о превратностях судьбы.

Однажды Тарковский застал Цветаеву за стиркой белья. Позже родилось стихотворение:

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает.
Все равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.
Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка-судьба.
И переупрямит над Камой...

Во время одной встречи Тарковский прочитал Цветаевой только что сочиненные им стихи:

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих —

Горе и печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит, наконец,
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука
И не модные шуршат
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло...
Как тебя любили мы —
Сколько лет прошло.

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

«Каблучки мои в пыли.
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса».

Уже в 50-е годы от писательницы М. Белкиной он узнал о том, что существует ответное стихотворение поэтессы «Ты стол накрыл на шестерых...». Это стихотворение – подлинный шедевр цветаевской лирики – было одним из самых последних ее творений. Помечено оно 6 марта 1941 года.

Обругал самого Рокоссовского

Сохранилась фотография, запечатлевшая А. Тарковского и А. Твардовского на фронте. Я попросил Арсения Александровича рассказать о войне.

11 раз писал он заявления с просьбой взять его в армию, и каждый раз получал отказ. Потом, наконец, добровольца мобилизовали. Работал он в армейской газете «Боевая тревога». В его задачу входило сочинение юмористических статей и рассказов. Но приходилось и участвовать в боях.

Главное было – не раствориться, не растеряться в этом аду и хаосе.

– На нас шли немецкие танки. Я прыгнул в окопчик, сверху свалился другой человек и стал душить меня от ужаса. И тогда на живом узоре моей памяти завязался еще один узелок: никогда, никогда не терять своего человеческого образа. Даже в такой обстановке, даже на войне, даже на краю гибели...

А как много доброго открыл Тарковский на фронте в людях! Сколько встреч, запомнившихся на всю жизнь, преподнесла война! Командиром его группы войск был Константин Константинович Рокоссовский. Однажды, заглянув в палатку к гвардии капитану Тарковскому, заснувшему после ночного задания, он приподнял край шинели, накрывавшей спящего человека, и в ответ получил пару ругательных слов – Арсений Александрович не сразу понял, кто его потревожил. Командующий, смутившись, произнес «Виноват», отдал честь и вышел. Вроде бы случай, почти курьез, но он прекрасно дополняет образ прославленного маршала.

За участие в боях с фашистами Тарковский награжден орденами и медалями. После ранения разрывной пулей он перенес ампутацию ноги.

Рассыпанная первая книга

Весной 1945 года А. Тарковский выписался из госпиталя и начал усердно заниматься переводами. В Союзе писателей СССР состоялся его первый творческий вечер. Выступавшая на нем Маргарита Алигер² сказала: «Перед нами поэт милостью божьей, нужно издать его книгу».

Здесь, кстати, могу заметить, что наверняка не все любители поэзии знают о драматической судьбе невышедшей первой книги Арсения Александровича. Я с трепетом перелистывал сигнал³ этого сборника в квартире Тарковских на Маяковке. Сходивший с ума от прикосновения к любой редчайшей книге, как я мечтал пополнить этим раритетом свою коллекцию! Но не решился выпросить ее у автора, понимая, как он ею дорожит. История такова. Тарковский подготовил к изданию книгу стихов, которая получила одобрение на собрании секции поэтов в Союзе писателей. Несмотря на отрицательную рецензию критика Евгении Книпович, рукопись была подписана к печати в издательстве «Советский писатель» и дошла до стадии сигнального экземпляра, когда 14 августа 1946 года грянуло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“». Директор издательства решил на время, пока, как говорится, не улягутся страсти, задержать выпуск книги. Поэтому матрицы в типографии «законсервировали» на несколько месяцев. А позже руководство приняло решение заново отрецензировать рукопись. И тогда спохватились, что в книге нет ни одного стихотворения о Сталине и лишь одно – с упоминанием имени Ленина. Набор рассыпали.

Тарковский, и до того мало заботившийся о судьбе своих стихов, о своем «литературном хозяйстве», начисто потерял интерес к изданию книг. И только благодаря настойчивости Татьяны Алексеевны сборник стихов «Перед снегом» был собран, отнесен в издательство «Советский писатель», получил в высшей степени одобрительные отзывы М. Алигер и Е. Златовой и увидел свет в 1962 году (Арсению Александровичу было уже 55), сразу же став событием в современной поэзии.

Арсений Тарковский был по-детски равнодушен к популярности, к каким-либо окололитературным пересудам. Радовался он лишь тогда, когда получалось хорошее стихотворение и оно кому-то нравилось. В особенности человеку, мнение которого Арсению Александровичу безразлично.

Писал Тарковский мало. «Избранное», вышедшее в 1982 году, в сущности, вместило почти все, что им сделано. Интересно, что некоторые годы выходили особенно плодотворными. 57-й, например. Чем это объяснить? Ветрами времени? Близостью с добрыми людьми? Вдохновением?

На мой вопрос, когда он понял, что поэзия – его призвание, Арсений Александрович ответил: «Наверное, с рождения. Во всяком случае, с самых юных лет. И к Сологубу-то я бросился потому, что стихи – это то, чем я жил уже в ту далекую пору».

² Маргарита Алигер – советская поэтесса, переводчица, член правления Союза писателей.

³ Сигнальный экземпляр – первый готовый экземпляр печатного издания, поступающий из типографии в издательство для ознакомления и проставления пометок, разрешающих выпуск типографией тиража.

Первое впечатление бывает обманчивым

В один из вечеров я попросил Татьяну Алексеевну рассказать о молодом Тарковском, о том, как они встретились.

— Однажды, это было весной 42-го года, я пришла в Союз писателей за пайком и увидела красивого молодого человека в военной форме. Он поразил меня тем, что, как птица, перелетал из комнаты в комнату, и я успела подумать: ну и стремительность.

Позднее в том же Союзе я услышала рыдающий голос Сусанны Мар: «Какой кошмар! Тарковскому ампутировали ногу». И я, грешным делом, произнесла про себя: «Господи, что же так кричать, голова-то цела, а ведь сколько людей и головы сложили». А в мае 44-го в переделкинском Доме творчества я увидела мужчину, который тоже был похож на птицу, но только со сломанным крылом. Спросила: «Кто это?» Ответили: «Разве вы не знаете, это Тарковский». И тут у меня все связалось в одно: военная форма, стремительность, вопли женщины. Не успела я опомниться, как меня извещают: «Сегодня он будет читать свои стихи, приходите». Я в те дни переводила своего любимого О'Генри и, поддавшись какому-то внутреннему сопротивлению, на вечер не пошла, устроилась с рукописью на верхней террасе. Чтение стихов происходило на нижней. И вот до меня донесся красивый мужской голос: «В жаркой женской постели я лежал в Симферополе...» «Боже, какая пошлость, — подумала я, — как хорошо, что я не пошла на вечер». Но голос продолжал звучать, и я невольно прислушалась. И буквально в течение минуты все изменилось: я поняла, что первое впечатление было обманчивым. Случаются неудачные строки и у хороших поэтов, а на самом деле там, внизу, звучат настоящие стихи. Я спустилась вниз и не пожалела: все, что читал Тарковский, произвело на меня огромное впечатление.

На вечере мы и познакомились, а позже, в 1946 году, поженились.

«Анна Андреевна, я не Дантес!..»

С Анной Ахматовой Тарковский впервые увиделся на квартире поэта Г. Шенгели в 1946 году. Его пригласили специально для этой встречи. Знакомство началось с шуточного эпизода. Арсений Александрович взял в руки небольшую шпагу, которой баловался хозяин дома, и Анна Андреевна пошутила: «Кажется, мне угрожает опасность?» «О, нет, Анна Андреевна, я не Дантес», – почему-то выпалил гость. Всегда находчивая Ахматова растерялась: «Я не знаю, как мне ответить на такой комплимент».

Тарковский прочитал какие-то стихи, и Ахматова заметила, что они похожи на стихи Мандельштама. Следующая встреча произошла в Голицыне в Доме творчества; а потом они виделись все чаще и чаще.

– Арсений Александрович, я слышал, будто бы Анна Андреевна выглядела королевой, гордой и непреклонной?

– Нет, королевой она не была. Во всяком случае, мне так не казалось. Правда, однажды, когда ей сказали, что Эльза Триоле приглашает ее в Париж, Ахматова действительно по-королевски парировала: «Не понимаю, почему она меня приглашает, я же не зову в Москву римского папу».

Однажды я поссорился с ней из-за Модильяни. Я посмел сделать замечание по поводу ее воспоминаний о встречах со знаменитым художником – они мне не понравились. «Лучше бы стихи писали, а не пишется, думали бы о Боге», – сказал я Ахматовой.

– Арсений пришел домой ужасно расстроенный, – вступает в разговор Татьяна Алексеевна. – «Я поссорился с Ахматовой», – сказал он убитым голосом. – Тогда я посоветовала ему завтра же купить большой букет цветов, стать перед ней на колени и извиниться. Но Арсений Александрович ничего этого не успел сделать. Раздался телефонный звонок. «Это говорит Ахматова, – послышалось в трубке. – Вместо того, чтобы ссориться, браниться, нам нужно поддерживать друг друга добрым словом».

Разве королева могла так поступить?! Далеко не каждый смертный в такой ситуации простил бы обиду. Ахматова была цельным, мудрым человеком.

В архиве Тарковского сохранилось две телеграммы от Ахматовой. Они связаны с выходом его первой книги «Перед снегом». Прочитав ее, Анна Андреевна сначала телеграммой поздравила поэта, а потом позвонила и сказала, что если теперь, не дай бог, с ним что-нибудь случится, ей будет жаль его гораздо больше. Ахматовой нравились его стихи. Особенно стихотворение «Когда б на роду мне написано было лежать в колыбели богов». Вечером Тарковский оставил ей рукопись этого стихотворения, а утром она позвонила ему и похвалила стихи.

Дружба с великой поэтессой была сердечной, искренней. Ее смерть потрясла Тарковского. Он сопровождал усопшую в Ленинград, присутствовал при отпевании в Никольском Морском соборе, хоронил в Комарове. Тогда же появились стихи:

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять – не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что – в трепете пятен

Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

Хотел застрелиться из-за потерянной строки

Арсений Тарковский – известный переводчик. Блистательный мастер стихотворного перевода, он высоко оценен на этом поприще и критиками, и читателями. Одна из самых близких его сердцу работ и самая, пожалуй, значительная – перевод стихов выдающегося туркменского поэта XVIII века Махтумкули.

Тарковского пригласил Союз писателей Туркмении, и с осени 1946 по июнь 1947 года они с женой жили в Ашхабаде.

– Еще по подстрочникам, – вспоминает Татьяна Алексеевна, – которые, как известно, – лишь первоначальное «сырье» для переводчика, он поразился глубине мысли Махтумкули. Бегал по комнате, читал и все время приговаривал: «Ты только послушай».

Однажды был такой смешной эпизод. Арсений Александрович закончил перевод стихотворения «Скажите лжецам и глупцам», вскочил со стула и, радостный, возбужденный, в восторге упоения от самого себя, закричал: «Я, как Пушкин, готов кричать: „Ай да Арсик, ай да сукин сын! Мне тоже хочется скакать на одной ноге!“» – и прочитал мне стихотворение:

Скажите лжецам и глупцам:
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам:
Казна – бесполезное бремя.

Он – в восторге, я – в восторге, но вдруг Арсений подходит к столу, хватается за голову: «Я застрелюсь, я утоплюсь!» – «Что такое?» – «Я пропустил одну строку». – «Ну так переведи ее!» – «Ее перевести нельзя». – «Почему?» – «Я использовал все имеющиеся рифмы: племя, стремя, бремя, время, семя, темя». – «Не может быть, чтобы в русском языке не было еще одной такой рифмы». – «Нет, больше нет, не успокаивай меня, я полон отчаяния».

Подхожу к столу, начинаю сравнивать с подстрочником. Где же пропущенная строка? Оказалось, все на месте, ему просто почудилось, что строка выпала, настолько он был возбужден.

Но любопытно другое: когда мы приехали в Москву и по словарю русских рифм проверили мои сомнения, оказалось, что прав был Арсений Александрович, действительно, подобных рифм больше нет в русском языке.

Александр Фадеев: «переводы Тарковского надо немедленно издать!»

Александр Фадеев взял перевод Махтумкули на прочтение и, спустя несколько дней, собрал секретариат Союза писателей, пригласив на него директоров издательств «Советский писатель» и Гослитиздат. Когда все собрались, он предложил Арсению Александровичу прочитать что-нибудь из сделанного в Ашхабаде, после чего безапелляционно произнес: «Я считаю, что эти переводы необходимо немедленно издать, причем сразу же в двух издательствах. Кто „за“?» Все подняли руки. И произведения Махтумкули, до того малоизвестные русскому читателю, сразу же стали популярными. А сегодня невозможно представить нашу литературу без замечательных творений одного из лучших поэтов Востока.

– Осенью 48-го года мы снова собрались в Ашхабад, – продолжает вспоминать Татьяна Алексеевна. – Вместе с нами должен был лететь один наш коллега. Мне почему-то хотелось добираться поездом, и я долго уговаривала Арсения Александровича и нашего товарища именно так и сделать. В конце концов мужа я сумела уговорить. Когда же мы прибыли в Ашхабад, нашему взору предстала страшная картина разрушительного землетрясения. Поезд приехал буквально перед самым последним толчком. Как потом выяснилось, наш коллега, прилетевший самолетом, погиб.

Из Туркмении Тарковские выехали в Каракалпакию, где поэту предложили перевести знаменитый эпос «Сорок девушек». О нем упоминается еще в сочинениях Геродота. В Нукусе хватило лиха. Время было трудное, страна оправлялась от военных невзгод. Жили в неуютной гостинице, без каких бы то ни было удобств. Двери не запирались, окна нараспашку, невдалеке были шакалы. Еда самая скудная. Ко всему прочему, Арсений Александрович заболел малярией.

И все-таки работу свою он завершил. Это был еще один выдающийся переводческий вклад в дело дружбы литератур и народов нашей страны. При обсуждении в Союзе писателей СССР ученый-фольклорист Л. Климович заявил: «Нередко читаешь тот или иной эпос, и тянет ко сну, так вот почти впервые я прочитал до конца такую большую и увлекательную вещь». Это была высокая похвала мужественному труду замечательного переводчика.

«Твой сын, – несчастный и замученный Андрей Тарковский...»

И еще об одном обстоятельстве, связанном с жизнью и судьбой Арсения Тарковского, хотелось бы рассказать. Так случилось, что во время наших с ним встреч пришло сообщение, что во Франции, на чужбине, умер сын поэта, известный кинорежиссер Андрей Тарковский.

Отношения между сыном и отцом Тарковскими, двумя своеобразными художниками, всегда были теплыми, близкими. Сын тянулся к отцу, который со своей богатой жизненной и творческой биографией всегда был для него авторитетом. Он очень любил поэзию отца и не раз включал его стихи в свои фильмы. По воспоминаниям, режиссер Тарковский, верный своим творческим принципам, не давал отцу никаких поблажек, требовал максимальной отдачи. Так, одно из стихотворений, используемых в фильме «Зеркало», Арсений Александрович читал перед камерой 11 раз.

Нужно сказать, что тема отца и сына, отца и матери проходит через все фильмы Тарковского. А рядом с этой темой, вернее, сквозь нее, проходит другая – дума о Родине, об Отчем доме. Хорошо об этом сказал в печати литературный критик Игорь Золотусский:

«Человек, теряющий дом, покидающий дом, оторванный или отрывающийся от дома, становится голью перекаточной, былинкой на ветру, его уносит в мировой океан, но и мировой океан также чувствителен к отступничеству, к отрыву от родительских гнезд. Вспомним финал „Соляриса“ – блудный сын на коленях перед отцом».

Мыслями о родном доме пронизаны и последние работы Тарковского «Ностальгия» и «Жертвоприношение».

В одну из наших встреч Татьяна Алексеевна вынесла из соседней комнаты и положила передо мной несколько исписанных страниц. «Вот, наконец, нашла, мы хотим, чтобы вы его прочитали...» Это было последнее письмо Андрея Арсеньевича отцу. Написал он его в ответ на послание Тарковского-старшего, в котором говорилось, что всякий художник, имея право на творческую свободу, осуществлять ее должен прежде всего на родной земле.

В марте 1982 года по официальной договоренности Андрей Тарковский выехал в Италию для работы над совместным итало-советским фильмом. Позднее срок поездки был продлен: режиссер не успевал завершить задуманного.

Нелегко складывалась его творческая судьба на родине, нелегко было ему во многом и на чужбине.

Вот это письмо:

«Дорогой отец!

Мне очень грустно, что у тебя возникло чувство, будто бы я избрал роль „изгнанника“ и чуть ли не собираюсь бросить свою Россию... Я не знаю, кому выгодно таким образом толковать тяжелую ситуацию, в которой я оказался „благодаря“ многолетней травле начальством Госкино, и в частности Ермашом – его председателем.

Может быть, ты не подсчитывал, но ведь я из 20 с лишним лет работы в советском кино – около 17 был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травили все это время, и последней каплей был скандал в Каннах, где было сделано все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три) за фильм „Ностальгия“».

Этот фильм я считаю в высшей степени патристическим, и многие из тех мыслей, которые ты с горечью кидаешь мне с упреком, получили свое выражение в нем. Попроси у Ермаша разрешения посмотреть его, и все поймешь, и согласишься со мной.

Желание же начальства втоптать мои чувства в грязь означает безусловное и страстное желание, мечтание их отделаться от меня, избавиться от меня и моего творчества, которое им не нужно совершенно.

Когда на выставку Маяковского в связи с его двадцатилетней работой почти никто из его коллег не захотел прийти, поэт воспринял это как жесточайший и несправедливейший удар, и многие литературоведы считают это событие одной из главных причин, по которым он застрелился.

Когда же у меня был пятидесятилетний юбилей, не было не только выставки, не было даже объявления и поздравления в нашем кинематографическом журнале, что делается всегда и с каждым членом Союза кинематографистов.

Но даже эта мелочь – а их десятки, – унижительна для меня. Ты просто не в курсе дела.

Потом, я вовсе не собираюсь уезжать надолго. Я прошу у своего руководства паспорт для себя, Ларисы, Андрюши (жена и сын Андрея Тарковского. – *Ф. М.*) и его бабушки, с которыми мы смогли бы в течение трех лет жить за границей, с тем чтобы выполнить, вернее, воплотить мою заветную мечту: поставить оперу «Борис Годунов» в «Ковент Гарден» в Лондоне и «Гамлета» в кино. Недаром я написал свое письмо-просьбу в Госкино. Но до сих пор не получил ответа.

Я уверен, что мое правительство даст мне разрешение и на эту работу, и на приезд сюда Андрюши с бабушкой, которых я не видел уже полтора года; я уверен, что правительство не станет настаивать на каком-либо другом антигуманном и несправедливом ответе в мой адрес.

Авторитет его настолько велик, что считать меня в теперешней ситуации вынуждающим кого-то на единственно возможный ответ просто смешно; у меня нет другого выхода: я не могу позволить унижать себя до крайней степени, и письмо мое – просьба, а не требование. Что же касается моих патриотических чувств, то смотри «Ностальгию» (если тебе ее покажут) для того, чтобы согласиться со мной в моих чувствах к своей стране.

Я уверен, что все кончится хорошо, я кончу здесь работу и вернусь очень скоро с Анной Семеновной, и Андреем, и Ларой в Москву, чтобы обнять тебя и всех наших, даже если я останусь (наверняка) в Москве без работы. Мне это не в новинку.

Я уверен, что мое правительство не откажет мне в моей скромной и естественной просьбе (в случае же невероятного – будет ужасный скандал. Не дай бог, я не хочу его, ты сам понимаешь). Я не диссидент, я художник, который внес свою лепту в сокровищницу славы советского кино. И не последний, как я догадываюсь (один бездарный критик, наученный начальством, запоздало назвал меня великим). И денег (валюты) я заработал своему государству больше многих.

Поэтому я не верю в несправедливое и бесчеловечное к себе отношение. Я же как остался советским художником, так им и буду, чего бы ни говорили сейчас виноватые, выталкивающие меня за границу.

Целую тебя крепко-крепко, желаю здоровья и сил.

До скорой встречи. Твой сын – несчастный и замученный Андрей Тарковский.

Лара тебе кланяется.

Рим. 16.IX.83.

Как известно, разрыв с родиной стал смертельным для Тарковского. Режиссер не готов был к вынужденной эмиграции. Оправдались слова отца о невозможности для художника творить в чужой стране.

Но время – хоть и безжалостная, но справедливая вещь. Оно все расставляет по своим местам. Многих имен знаменитых и почитаемых когда-то в Советском Союзе режиссеров ныне не помнят, зато имя Тарковского, как имена Достоевского и Чехова, в мире ассоциируется с Россией.

Его фильмы «Иваново детство», «Сталкер», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Ностальгия», «Жертвоприношение» – признанные шедевры мирового кинематографа. Великий шведский режиссер Ингмар Бергман назвал Тарковского режиссером, который сумел

выразить то, что ему самому всегда хотелось, но не удавалось. Известны его слова: «Всю свою жизнь я стучался в дверь, ведущую в то пространство, где он движется с такой самоочевидной естественностью».

Стихи Арсения Тарковского давно стали неотъемлемой частью отечественной культуры. 27 мая 1989 года поэта, как и его сына Андрея, унесла смертельная болезнь. Отпевали его в храме Преображения Господня в Переделкине...

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру.
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово...

Глава 2. О Василе Быкове, Траве после нас

«...я простой, измотанный жизнью белорус...»

Творчество Василя Быкова еще долго будет вызывать интерес читателей. Его произведения, написанные, в основном, «про войну», сразу обжигают людское сердце, тревожат душу, заставляют думать, бередают память.

Мне очень хотелось повстречаться с писателем, поговорить с ним. Скромный, даже застенчивый, многозаятый общественными делами человек, не любящий суесловия, парадности, Василь Владимирович никак не мог выбрать время и настроение принять корреспондента. Тогда я послал ему телеграмму с вопросами, зная, что он приедет в Москву на пленум Союза писателей СССР.

МИНСК ТАНКОВАЯ УЛИЦА ДОМ ДЕСЯТЬ КВАРТИРА 132 ВАСИЛЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ БЫКОВУ ТЧК ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ НА СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ОГОНЬКА ФЕЛИКСА МЕДВЕДЕВА ТЧК ПЕРВЫЙ НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ ЧТО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЕЛИ КАК БЫ ПООСТЫЛИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НА ВОЕННУЮ ТЕМУ ТЧК ЕСЛИ ВЫ С ЭТИМ СОГЛАСНЫ ТО ЧЕМ ЭТО МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ТЧК...

Василь Быков

Мой неожиданный журналистский прием оказался удачным: Василь Владимирович письменно ответил на некоторые вопросы и передал их по приезду в Москву, потом мы встречались в гостинице «Россия», где он жил, и два дня просидели вместе на писательском форуме в Центральном доме литераторов и еще на лавочке в скверике Союза писателей СССР. Так появилось это интервью.

Москва, улица Воровского, 52. Союз писателей СССР, лавочка в сквере

– Не так давно в печати я с опаской предсказывал скорое наступление такого охлаждения. Дело в том, что мы давно и прочно привыкли существовать в ритме различных общественно-политических кампаний, которые с удивительно отрегулированным постоянством на протяжении десятилетий сменяют одна другую. Мы с шумом и упоением отпраздновали сорокалетие нашей победы в Великой Отечественной войне, когда, по-видимому, и произошло неизбежное перерасходование энергии почитания и восторгов. Наступил естественный спад – спад внимания, интереса к проблемам прошлой войны и литературы о ней. На многие, даже очень ценные вещи у нас нет твердого, устоявшегося взгляда, мы в значительной мере подвержены моде, кампаниям, постоянно жаждем новизны, эпатажа и, если их нет, очень скоро отворачиваемся к другим проблемам и сомнительным ценностям...

– В редакцию пришло письмо от женщины, которая не читает книг о войне, в которых герои умирают. Что вы думаете о таком читателе?

– Если не иметь в виду, быть может, какие-то особые личные обстоятельства в судьбе этой женщины, думаю, что она принадлежит к читателям определенного рода, которые сформулировали свое отношение к искусству как к комфортному мероприятию. Неважно, что должно приносить удовлетворение: роман ли, кинофильм или концерт. Если же произведение вызывает чувства другого плана, то оно считается плохим или каким-то не таким. Бог с ними, таких читателей немало и у нас, и за рубежом. Плохо, что в последнее время похожие мысли высказывают специалисты, критики, которые, уже после того как наша литература заговорила о негативных явлениях недавнего прошлого, почувствовали тоску и печаль по хорошим людям, по комфортным отношениям. Наверное, автору было бы приятнее написать о хороших людях, о хороших отношениях и доставить тем самым наслаждение читателю, но чего стоит такая литература, особенно в наше время? Литература, которая способна не разбудить, а усыпить. А разве в этом назначение искусства?

– Григорий Бакланов в недавнем интервью сказал, что, как показывает опыт, «самые значительные книги о войне написаны ее участниками». И это означает, что невоевавшие, то есть все те, кому сегодня до пятидесяти, не должны браться за военную тему. Вы согласны с такой точкой зрения?

– Трудно не согласиться с Баклановым, хотя это мнение вряд ли понравится многим молодым писателям. Но в таких случаях в качестве оптимального выхода я указываю на пример молодой белорусской писательницы Светланы Алексиевич, родившейся после войны. Она не стала о войне сочинять небылиц, а с магнитофоном в руках пошла к воевавшим женщинам и записала сотни их исповедей-рассказов, из которых и создала книгу «У войны не детское лицо». Эта ее книга прозвучала свежо и искренне даже в белорусской литературе, в которой о войне, как известно, написано хорошо и немало. Потом появилась и новая книга Алексиевич – воспоминания подростков, переживших войну. Это ли не пример плодотворности данного метода для невоевавших, но обнаруживших свою приверженность теме войны? Следование же по другому пути – пути чистого воображения, сколь бы плодотворным оно ни было, не может застраховать от вторичности, приблизительности, эмоциональной упрощенности, особенно заметных в сравнении со столь мощно звучащими произведениями о войне, написанными ее непосредственными участниками.

– Василь Владимирович, по мнению некоторых критиков и писателей, именно вы наиболее естественно выражаете правду и сущность войны...

– Сам я так не считаю. Наоборот, я думаю, что именно другие авторы, особенно в русской литературе (Симонов, Смирнов, Бакланов, Бондарев, Воробьев, Крутилин, Астафьев, Адамо-

вич, Гусаров и др.), написали больше, а главное, лучше меня, начавшего позже и во многом так или иначе уже учитывавшего их опыт. Может быть, некоторая моя заслуга состоит в том, что я смелее пошел на упрощение и заострение отдельных характеров и положений там, где другие авторы стремились к большей художественности, романной основательности. Но еще неизвестно, кто в конце концов окажется в выигрыше, а кто в проигрыше, это определит лишь неумолимое время.

– *Один из критиков в свое время обвинил вас в «ремаркизме». Вы не обиделись, не оскорбились? Как вообще вы воспринимаете критику в свой адрес? К сожалению, некоторые наши маститые писатели стали воспринимать даже незначительные критические замечания в свой адрес как личное оскорбление, почти навет.*

– Разумеется, я обижался на многие несправедливые обвинения в свой адрес, но только не на этот укор. В то время я уже хорошо знал, что навешивание ярлыков и обвинение во всяческих «измах» – отработанный прием определенного толка критиков, но что касается Ремарка и особенно его известного романа, то я слишком уважал этого автора, чтобы обидеться за причисление к его последователям. Ремарк – большой писатель-гуманист, пришедший к нашему читателю в благодатное для нас время и добротворно потревоживший своими образами наши вдруг посветлевшие головы.

– *Есть правда о войне, выраженная в ваших книгах. Есть правда нашей истории, правда о сегодняшнем быстротекущем дне. Читатели воспринимают вас как яростного правдолюбца, честного, мужественного художника. Скажите, можно ли ожидать от вас книги, я бы сказал так, не о войне?*

– В последнее время у меня все чаще появляется такое желание, для него, я думаю, в окружающем мире достаточно оснований. Но что касается недавнего прошлого и его поразительных проблем, то, будучи реалистом, не перестаешь сожалеть об отсутствии у тебя дарования бессмертного Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, своеобразный талант которого с таким блеском изображал всю степень алогичности многих общественных явлений, успешно просуществовавших до наших дней.

– *На обелиске одной из братских могил под Кировоградом в списке погибших значится ваша фамилия. Случай уникальный для фронтовика, оставшегося в живых. Как это произошло?*

– Зимой 44-го года в ночном бою под Кировоградом был разгромлен стрелковый батальон, в котором я служил. Место это на короткое время захватили немцы. Наши части были отброшены, батальон почти целиком подмяли немецкие танки, командир погиб, многие солдаты – тоже. Потом фашисты отошли, но начавшиеся в степи снегопады замели места боев и тела погибших. Хоронили убитых жители окрестных деревень только в марте, когда растаял снег. Наш фронт к тому времени был уже далеко, на Южном Буге. Поэтому всех погибших опознать не могли. У кого были документы, тех и опознали. А те, у кого документов не оказалось, остались безвестными. В деревне Большая Северинка захоронили в братской могиле около 150 человек, и далеко не все имена были установлены. Я же в том бою был ранен и после нескольких дней приключений попал в госпиталь Пятой танковой армии, то есть в госпиталь другой армии. На поле боя осталась моя полевая сумка, а в ней – мои документы. Таким образом, по штабным документам я числился убитым, поскольку в свою часть не вернулся.

– *Я слышал, что вы ведете довольно аскетический образ жизни, что вы жесткий, сухой человек. Скажите, таким вас сделала война, переживания?*

– В вашем вопросе до известной степени отразились наветы моих недоброжелателей. Вовсе я не аскет и не сухой человек, но вот я думаю, как глубоко был прав Джон Стейнбек, сказавший однажды: «Ужасное это дело – утрата безвестности». Наверное, всякому живому человеку, не только писателю, трудно бывает мириться с тем, что его жизненное, отпущенное ему судьбой время беззастенчиво транжирится, растаскивается, расхищается для вздорных,

ненужных дел и мероприятий. Могильщик писательского времени – телефон – тиранит сверх всякой меры. Я стараюсь избегать хотя бы части его вздорных требований, но нередко сдаюсь, загнанный в угол многоопытными организаторами никому не нужных мероприятий, и, сидя где-нибудь на очередном заседании и уныло слушая пустопорожнюю болтовню упоенных собой краснобаев, горько упрекаю себя за бесхарактерность. Выкроить полдня тихого одиночества для работы становится все труднее в век безудержного бюрократического ускорения – кажется, самой безусловной реальности, ставшей уже бытом и бытием для многих.

– *Вас тянет туда, где вы бывали в годы войны, где сражались, где прошла часть вашей молодости?*

– Кое-где я побывал. В Венгрии, например. Места, конечно же, изменились, многое трудно узнать. Конечно, тянет туда, где воевал, где прошла часть молодости. Но я считаю, не надо стремиться на встречу с прошлым, потому что неизбежны разочарования. Потому что настоящее никак не соответствует образу, созданному в твоей памяти. И вы знаете, я понимаю, почему Марк Шагал, когда приезжал в Советский Союз, не посетил Витебск. Он, наверное, поступил правильно. Этот умный старый человек понимал, что он не отыщет того, чего нет. Ведь послевоенный Витебск – это совершенно изменившийся город. Хотя в нем есть дом и улочка, где жил Шагал, но это вовсе не значит, что именно такими они существовали в его памяти. Поэтому, чтобы не разрушать в себе дорогое, не надо заново искать его.

Кстати, уж коль я заговорил об этом великом художнике, замечу, что белорусская интеллигенция благодарна Андрею Вознесенскому, напечатавшему свой очерк о Шагале в «Огоньке» и в этом порыве опередившему любого из нас. Конечно, поначалу мы должны были написать о Шагале у нас в Белоруссии. Но у нас, к сожалению, до сих пор существует разброд по отношению к имени, к творческому наследию ныне всемирно известного художника. Снова повторяется прежняя, почти библейская истина: нет пророка в своем отечестве. Уходит из жизни художник, и мы постепенно, с оглядкой на что-то или кого-то начинаем его признавать. Осенью я разговаривал с руководством Витебской области о создании музея Шагала, вроде бы возражений особых не было, но и дел конкретных тоже не видать.

– *Василь Владимирович, не связано ли ваше пристрастие к Шагалу с тем, что на творческую стезю вы вступили поначалу как художник? Ваши биографы сообщают, что вы учились в художественном училище. Сохранились ли работы той давней поры? И еще – почему вы не сразу стали писать?*

– Все дети имеют влечение к изображению мира в любой доступной форме. У меня же это началось со знакомства с одним человеком, приехавшим после гражданской войны откуда-то из Сибири в то местечко, где я тогда жил. Вместо обычного скарба он привез с собой предметы для искусства, несколько картин. Его пейзажи были первыми в моей жизни «живыми творениями художника». Помню, что с особым удовольствием перелистывал я старые журналы с репродукциями картин известных мастеров. С детства меня влекло к рисованию. Но условий для развития дальнейшего интереса к этому не было.

А работы мои давние не сохранились. Во время войны я еще кое-что делал по рисовальной части. Но однажды сгорел «студебекер» с нашим солдатским имуществом, в том числе мой мешок, где был альбом с рисунками. С тех пор рисованием я не занимался.

– *Не погиб ли в вас талантливый художник? Впрочем, считается, что талант в одиночку не ходит. Скажите, что заставило вас взять в руки перо? Вспомните об этом.*

– Первый рассказ я написал на Курильских островах, где продолжал службу в первые послевоенные годы. Я, да и не только я, а многие из фронтовиков ничего о войне не читали и читать не хотели. Война была еще слишком жива в нашем сознании. Мы старались как можно скорее от нее отрешиться, прервать эту связь с прошлым. Но по прошествии некоторого времени я стал читать книги о войне, написанные писателями довольно известными, но останавливал себя на том, что эти рассказы о войне меня не удовлетворяют. Вот почему я попробовал

из чисто полемических побуждений написать свой первый рассказ. Мне казалось, то, что я читал, никак не соответствовало моему личному опыту, как-то все было не так и не то. Потом еще и еще. Конечно же, они были слабыми, плохими. Пытался их напечатать, но из этого ничего не вышло. И на много лет я забросил попытки стать писателем. В 1955 году, демобилизовавшись, стал работать в газете, начал писать прозу и даже опубликовал первую книгу рассказов. Правда, это были юмористические рассказы. Позже написал несколько вещей на молодежную тему. И только в конце 50-х прочно засел за военную тему.

Произведения Василя Быкова широко известны. Но далеко не все знают, что о самом писателе написаны монографии. В них, конечно же, есть и биографические сведения. Кое-что читатель, интересующийся творчеством Быкова, черпает из его статей и интервью с ним, которые, кстати, он давал не всегда охотно. Поэтому я расспрашивал Василя Владимировича о его детстве, семье, родителях. Спросил, есть ли у него дети и доволен ли он ими. Спросил о восприятии его творчества, его широкой, я бы сказал, мировой известности у него на родине, в Белоруссии. Последний вопрос в этой связи был таким: «Понимают ли ваши земляки, люди, с которыми вы встречаетесь, живете, из судеб которых черпаете материал для книг, понимают ли они значение литературы, писательского слова? Есть ли у них ощущение вашей необходимости? Или все-таки им важнее хлеб насущный...»

– Родители мои – крестьяне. С ними я жил до войны. Отец умер 25 лет назад, мать 3 года назад.

У меня два сына, один – военный, другой – врач. Доволен ли ими, трудно сказать. Потому что у родителей к детям отношение все-таки пристрастное. И поэтому трудно избежать крайностей, недооценки или переоценки их. Но я полагаю, что их жизнь – это их дело. Коль они выбрали для себя этот путь, им же отвечать за него. Я не вмешивался. Потому что знаю, что любой советчик всегда рискует. Рискует тем, что его совет может привести не туда, куда он хотел, куда надо бы, и тогда его совесть будут скрести кошки.

Известность ко мне пришла, может быть, в последние годы. Да я вообще думаю, что такие вещи, как известность, слава, простые люди не воспринимают. Я помню, как-то приезжал в родные края и там с одним дядькой мы ездили рыбу ловить на озеро. Я тогда в газете работал. Он спросил: «Я знаю, ты пишешь, ну а работаешь ты где?» Я говорю: «В редакции работаю». – «В редакции? Так ты пишешь там. А работаешь где же?» Вот какой состоялся разговор. Человек, который всю жизнь работал физически, не может понять, как это за то, что ты водишь перышком по бумаге, тебе еще и деньги платят. Это так, дескать, твоя блажь личная, а работа – это другое. Хлеб ты должен зарабатывать своими мускулами. Боюсь, что значение литературы в жизни народа все больше падает. Я вспоминаю годы своей юности, детства, когда книга была редкостью в деревне. И если она была, ее читали. Ее читали все: знакомые, родственники, товарищи, соседи. Читались все книги в библиотеках. Теперь же другая обстановка. На селе в книжных магазинах – много книг. Мы недавно пережили книжный бум. Сейчас он вроде бы спал. Но даже во время бума, я думаю, покупали много, но читали не так много. И сейчас село обходится телевидением, из которого черпает всю информацию об окружающем мире. Читают мало в школах. Поскольку у нас вся классика экранизирована, школьники стараются обойтись без чтения книг. Это, конечно, плохо. Но какого-то выхода я здесь не вижу. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Я понимаю, Василь Владимирович, что у вас есть свой читатель. Но вас никогда не посещает мысль, что может наступить такое время, что вообще люди перестанут читать? В том числе и ваши книги. Такое может случиться, как вы думаете?

– Вполне. Почему же нет. И об этом надо думать всем, кто причастен к книгоиздательской политике. С одной стороны, издатели не могут наводнять книжный рынок продукцией,

которая не имеет спроса, не находит сбыта. Это было бы противоестественно экономически и, наверно, морально тоже. Но, с другой стороны, издатели не должны потакать современному массовому вкусу. Если идти по этому направлению, как на Западе, тогда литература превратится в китч, псевдолитература будет иметь наибольшее распространение. Потому что, как ни странно, за многие десятилетия нашего культурного строительства культурный уровень массового читателя не очень-то поднялся. К сожалению, мы продолжаем насаждать произведения, которые никак этих усилий не достойны.

– *Сейчас публикуются произведения, которые по разным обстоятельствам долго не выходили к читателю. Но раздаются голоса, в том числе и среди писателей: зачем такие вещи печатать, зачем заниматься литературным некрофильством. Что вы думаете об этом?*

– То, что публикуются вещи «из стола», абсолютно правильно. Более того, было бы просто преступно игнорировать и дальше то хорошее, что было в нашей литературе. Неужели людям непонятно, что хотя бы во имя справедливости это надо сделать. Потому что на многие десятилетия читатели были вышиблены из круга российской словесности по разным причинам. Одно время не издавали Есенина, другое – совершенно эпохальные вещи Бунина. Если бы продолжалась эта линия, какие бы невосполнимые потери понесла наша словесность! У нас есть довольно старый обычай: очень уважать мертвых. Пока человек жив, его могут не издавать, третировать, но после смерти вдруг обнаруживается, какой, оказывается, жил замечательный художник. Это относится к тому же Шукшину. Многие помнят, с каким восторгом были встречены первые рассказы Шукшина, печатавшиеся в «Новом мире», в «Октябре», потом – полоса отчуждения. А теперь, когда его нет с нами, опять начинаем гореть любовью к его творчеству.

Так вот, я считаю, что совершенно правильно «Огонек» публикует поэтическую антологию, которую ведет Евгений Евтушенко. Я считаю, что это нужно продолжать и, может быть, давать материал даже шире, полнее. Надо понять, что, возможно, тот или иной поэт был не очень большого дарования, но он был, жил в свое время, что-то значил, и разве можно его начисто вычеркнуть из литературы? Это несправедливо. Тем более, уж если это касается таких величин, как Гумилев, Ходасевич, Мандельштам, – крупнейших поэтов начала века.

– *Не оригинальный, но злободневно важный вопрос: что вы думаете о перестройке?*

– Я думаю, что какие-то конкретные изменения ждут нас впереди. Все новые веяния, тенденции доходят до глубинки с большим опозданием. Вот я на днях был в одном районе, разговаривал с первым секретарем райкома. Он говорит: «Что делать? На почве в ночное время заморозки. Кукуруза, посеянная в такую почву, непременно погибнет. Ее нужно будет пересевать. Но из области установка: закончить сев к такому-то числу. И это не только установка, а требование отчета о количестве засеянного. Да еще за каждый день. Что делать?» Я ему говорю: «Так вы же имеете право сослаться на известные постановления по этому вопросу, давшие вам свободу действий». – «Право-то правом, а к такому-то числу сев должен быть закончен». Вот вам пример. Значит, по-прежнему, как и десять, и двадцать, и сорок, и пятьдесят лет назад, продолжается одно и то же. Сильный, волевой нажим, определенные железные сроки, и ни дня позже, не считаясь ни со здравым смыслом, ни с погодными условиями.

– *В последнее время появились мнения вот о чем: не перебираем ли, дескать, мы через край с гласностью, не слишком ли обнажаем наши раны, затянувшиеся и свежие?*

– Я почти явственно вижу лица людей, выражающих подобное мнение, хорошо знаю их по годам «застойного» времени, они немало «потрудились», чтобы сделать его почти необратимо застойным. Застой, неподвижность, окаменелость в теории и на практике – это их родная стихия, так неожиданно порушенная ныне ветром гласности. Если разобраться и трезво оценить наши трудности в деле перестройки, то, наверное, обнаружится, что самое сложное в ней – именно преодоление махровой природы бюрократизма, упрямо цепляющегося за отра-

ботанные до высокого совершенства приемчики прошлого, главным из которых является пресловутое «не пущать».

В течение последнего времени мне пришлось многое наблюдать на примере судьбы одного из самых энергичных поборников перестройки, человека с международным авторитетом, писателя-публициста, активного борца за мир и взаимопонимание между народами, всем известного Алеся Адамовича. Его активность во всех отношениях недешево ему стоила, отобрала массу физических и душевных сил, и вот все кончилось мелкой, но чувствительной для него мстью: недопущением на очередной форум в США, куда он был приглашен с группой советских ученых. Чиновники из Академии наук БССР отказали ему в оформлении выездных документов под тем предлогом, что он слишком часто ездит и много выступает. Они уже регламентируют участие в перестройке, по-видимому, составляя графики неучастия в ней. Они сами молчат годами и того же добиваются от других, жадно дожидаясь момента, когда раздастся трубный голос отбоя, прекратится «разгул демократии» и, как они говорят, все войдет в привычные берега мертвечины и сонного, однако такого комфортного для них благополучия. И еще. Если благородные идеи перестройки нашли в чем-либо свое наибольшее проявление, так это действительно в бурно развернувшейся гласности, пожалуй, достигшей в стране своей высшей отметки. Наша журналистика (внутренняя, конечно, международная отстает от нее пока на десятилетия) неожиданно и прямо-таки самоотверженно вырвалась в авангард гласности и вскрыла столько заботливо взлелеянных бюрократией социальных язв, развернула такую борьбу за правду и справедливость, что если даже она ничего больше не сделает, то оставит о себе память на десятилетия.

В то же время, оценивая общий ход гласности, нельзя не заметить, что в последнее время появились признаки некоторой ее пробуксовки; накопление количества не всегда приводит к качественным изменениям, забрезжила опасность девальвации слов, правильных и нужных по существу, но не подкрепленных конкретными делами, что угрожает закончиться тривиальной говорильней. Последнее было бы весьма сожалеательно, если не катастрофично для всего сложного и безмерно трудного дела перестройки.

– *Я слышал такую легенду о Фолкнере. Когда он умер, в доме, где он жил, обнаружили комнату, почти сплошь заваленную письмами читателей. Писатель не любил переписки. А вы, Василь Владимирович, отвечаете на письма или они вас не волнуют?*

– Стараюсь отвечать, но не всегда могу это сделать. Особенно это относится не столько к письмам, сколько к бесконечной веренице бандеролей с рукописями, авторы которых напрасно полагают, что стоит известному писателю позвонить или написать «куда следует», и их рукопись тут же будет запущена в производство. Но есть письма, на которые не ответить невозможно, хотя по существу, отвечать надо бы не мне, а кому-либо другому, кто имеет власти больше, чем писатель. Но дело в том, что писатель в нашей стране по давней, не нами заведенной традиции в какой-то мере все-таки продолжает оставаться народным трибуном, своеобразным адвокатом народа, к которому обращаются люди, когда все другие возможности исчерпаны и больше обратиться не к кому. Пишут не только жалобы, не только по личным вопросам – государственные проблемы волнуют ныне не в меньшей степени.

С Василем Быковым

Я сказал Быкову, что однажды выдающегося американского писателя Уильяма Сарояна спросили: может ли исчерпаться материал для творчества? Сароян ответил: нет, не может, ибо материал – это я сам. Пока я жив, мне будет достаточно материала для книг. Василь Владимирович прокомментировал этот разговор следующим образом: «Сароян, как известно, большой художник нашего времени, и в таком качестве он сказал сущую правду. Как всякий реалист, он черпает свой материал из окружающего мира, но не меньший мир заключен в нем самом, для его выражения не надобно ничего больше, кроме самого себя и своего дарования».

А мне подумалось, что Василь Быков мог бы это же самое сказать и о себе. Во всяком случае, как кажется, материала, пережитого и пережитого им на войне (настолько он богат, многогранен, трагичен и гуманистичен), в нем, в человеке и художнике, предостаточно. Об этом говорят и все новые и новые произведения, связанные с войной, и последние из них – «Знак беды», «Карьер», «В тумане», ставшие значительными достижениями современной литературы.

– Вы человек, не раз смотревший в глаза смерти. Скажите, о чем сегодня должен писать художник, чтобы помочь спасти мир от разрушения, от гибели? Или важнее не о чем писать, а как?

– На этот вопрос недавно хорошо ответил все тот же Алесь Адамович, выдвинувший в качестве гипотетического императива нашего времени появление так называемой сверхлитературы. Правда, его тут же оспорили и, конечно, зря, потому что неверно поняли сам термин, истолковав его как призыв к чему-то ирреальному, небывалому в искусстве. Адамович же имел в виду вовсе не новый стиль или жанр, но – новое качество. Он подразумевал под этим вполне реалистическую литературу, но литературу очень высокого гуманистического звучания – такую, которая в наше время, чреватое гибелью всего человеческого рода, сквозь потоки полуправды, лжи и прямого одурачивания миллионов пробилась бы к сознанию человечества, вынудив его остановиться у последней черты. Не знаю, как Адамович, но я склонен считать, что из произведений последних лет романы Чингиза Айтматова и Владимира Дудинцева при-

ближаются к литературе такого рода, и в этом, несомненно, обнадеживающий знак для литературы будущего.

– *Из одного интервью с вами я узнал, что вам близок по духу французский писатель-экзистенциалист Камю. Мне такое признание показалось интересным. Не могли бы вы подробнее пояснить, на чем основана эта близость?*

– Не то чтобы близок. Ведь, как известно, Камю причисляют к экзистенциалистам, хотя сам он всячески это отрицал. Но в данном случае не так важно, что думает о себе автор. Все-таки он принадлежит к этому течению, что общепринято. Самое главное – произведения писателя. Наше время сложно во всех отношениях. Сложность этого времени, его драматизм и трагизм Камю чувствовал, может быть, лучше других. И он создал, наверное, одно из лучших произведений нашего века – роман «Чума». Роман этот, конечно, при внимательном чтении отвечает на многие вопросы, которые стояли до нас и которые, наверное, останутся и после нас. Я теперь очень понимаю Твардовского, который когда-то говорил и писал, что «Чума» Камю является евангелием XX века. Это совершенно справедливо. Потому что в условиях беспросветных и безнадежных, в которые нас поставила научно-техническая революция, термоядерная эпоха, человеку не остается выбора. Он может только или оставаться человеком, или перестать существовать. Так вот, со всей категоричностью, я думаю, очень убедительно Камю в своей «Чуме» показывает, что значит быть человеком в этих условиях.

– *Ваши творческие принципы, кредо?*

– Следование правде жизни – жесткой, нелюбимой, грязной или чистой, прекрасной или уродливой – такой, какой она существует во всех ее взаимосвязях и проявлениях. У искусства есть лишь один способ добиться позитивного изменения в обществе – это показать общество таким, каким оно является на деле. Многолетний опыт развития нашей литературы красноречиво свидетельствует, что самым старательным образом сконструированный так называемый положительный герой не способен научить ничему ровным счетом, разве что доставит несколько комфортных минут читательскому сознанию, и все благие намерения автора повиснут в воздухе. Лишь показывая человеку его истинное лицо, можно понадеяться на какие-то более или менее результативные импульсы с его стороны.

– *Скажите, вы, как человек нелегкой и жизненной, и писательской судьбы, ощущаете правоту своего дела, правоту вашего таланта?*

– В моей биографии нет ничего необычного или сколько-нибудь примечательного – обычная биография человека моего поколения, юность которого совпала с годами кровавой войны, затем пошли годы армейской службы, работы. Я, может быть, счастлив лишь тем, что первые пробы пера, как и вхождение в большую литературу, счастливо совпали с наступлением благоприятственной атмосферы, вызванной решениями известных партийных съездов, очень благотворно повлиявших на литературную судьбу многих.

О правоте? Вы знаете, естественно, в том деле, которым я занимаюсь, хотел бы оказаться правым. Если не перед лицом истории, то хотя бы в глазах моего изрядно прореженного войной поколения.

– *У писателей фронтового поколения, таких как Астафьев, Бакланов, Бондарев, издано по четыре тома собрания сочинений. У вас тоже. Много это или мало?*

– Я работаю немного. Не каждый день. Между повестями у меня всегда какие-то промежутки. Иногда они затягиваются на год-два. Иногда меньше. Можно интенсивнее работать. Но, с другой стороны, зачем? По крайней мере, «ни дня без строчки» – это не мой девиз. Я полагаю, что надо писать тогда, когда повесть или роман в значительной мере созреет в душе и потребует своего выхода. Если заранее этого не ощутил, то нечего торопиться. Обычно в таких случаях потом все приходится переделывать.

– *Как вы считаете, может ли человек сжечь себя в искусстве, сгореть в пламени всепожирающего творческого подвига?*

– В наше время вряд ли. Современный человек сверх меры трезв и рационалистичен для того, чтобы позволить своему таланту сжечь себя без остатка, игнорируя свое привередливое, капризное эго.

– *Самое сильное потрясение вашей жизни: встреча, событие, чья-то книга, чей-то поступок?*

– Самое большое потрясение, я думаю, ждет меня, как, впрочем, и все человечество, впереди: это успех или неуспех нашей перестройки. При любом исходе тут не избежать потрясения положительного или отрицательного свойства, потому что слишком много на нее поставлено.

– *Однажды я по-журналистски позавидовал Татьяне Земсковой, задавшей Валентину Распутину прямо в лоб такой категоричный вопрос: вы большой писатель? Так вот, я от многих слышал суждение, что Быков по-настоящему большой писатель нашего времени. В частности, так мне говорил Вениамин Александрович Каверин. Простите, но... вы – большой писатель?*

– Если мерить провинциальными масштабами, то тут я, наверное, лишь чуточку больше некоторых, но если иметь в виду Льва Толстого или Достоевского, то – увы...

– *Ощущаете ли вы, что годы бегут, что вам седьмой десяток, что многих друзей вы уже потеряли, что жизнь прожить – действительно не поле перейти?*

– В последние годы я все чаще стал ощущать, что мне далеко уже не двадцать, – большей частью, разумеется, в физическом смысле. Кроме того, пришло явственное осознание безмерной наивности молодых лет по отношению ко многим явлениям жизни. Наверное, в этом и заключается некоторый признак поумнения. И старения тоже...

Некоторым образом, я был счастлив тем, что встречался, общался, может быть, даже дружил с очень хорошими людьми, которые и память о себе оставили хорошую. Теперь казнюсь, что мало с ними общался. Многих мог бы назвать. Твардовского, Сергея Сергеевича Смирнова, который был прекрасным человеком, немало сделавшим после войны для ветеранов. С большой нежностью и горестью вспоминаю Кайсына Кулиева, поэта, замечательного человека. Жаль, что мы редко виделись, я – человек сдержанный, а Кайсын Кулиев был весь распахнут навстречу, и все его добрые чувства проявлялись сразу. Сейчас чувствую, что надо бы больше дорожить людьми, хорошими людьми, их добрыми чувствами. Чтобы не сожалеть потом, что мало успел сказать им добрых слов. Помните, у Вяземского: «Она себя лишь любит в мире, а там хоть не расти трава...»? Все-таки жизнь слишком коротка, и надо думать о добре. Не себя любить, а ближнего своего, человека любить. Чтобы потом, после всего, после тебя взошла на земле зеленая трава памяти. Трава после нас.

Май 1987

Василь Быков умер 22 июня 2003 года.

В 1998 году писатель, выступавший с резкой критикой режима Лукашенко, вынужден был уехать из Минска. По приглашению ПЕН-клуба Финляндии полтора года он прожил в Хельсинки, в 2000 году переехал в Германию. Дети и внуки его книжных героев – немецких фашистов – предоставили писателю-фронтовику, всю жизнь писавшему о войне, не только политическое убежище, но и возможность жить и работать. В эмиграции написал несколько военных рассказов и притч, повесть «Волчья яма», посвященную последствиям чернобыльской катастрофы, как всегда у Быкова, прежде всего нравственным. Из Германии перебрался в Прагу. За месяц до кончины вернулся на родину.

Из последнего интервью Василя Быкова:

– *Вы по-прежнему остаетесь политическим изгнанником...*

– Я вынужденно живу за границей. Режим, который создан у меня дома, не дает мне жить и работать там. Как можно жить в стране, где действуют «эскадроны смерти»? Они

созданы правительственными структурами и уничтожают людей. Прежде всего, конечно, пропадают те, кто находится в оппозиции власти. Естественно, средства массовой информации России об этом говорят сквозь зубы.

– *Белорусская власть не пыталась купить вас?*

– Не проходило и недели, чтобы эта власть руками своих или российских писак не поливала меня грязью, не компрометировала, не пыталась изничтожить. Поэтому, о какой купле может идти речь? Заключение концлагеря не покупают – его истребляют. Думаю, что для подобных режимов известность тогда в цене, когда художник служит власти, обслуживает ее интересы. В других же случаях человека просто передают полицейскому ведомству, и ему уже приходится бороться не за интересы общества или во имя какой-то идеи, а лишь за свою возможность элементарно выжить.

«Я не лидер и не „совесть нации“, я простой, измотанный жизнью белорус, который хочет одного – остаться честным», – так написал Василь Быков в последней своей биографической повести «Долгая дорога домой».

Глава 3. Соблазн и шок по Сан-Лорану

Его имя – легкое и изящное, как стремительный полет лани. Его жизнь – сказка. Его творения – легендарны. Возможно, как никто другой на свете, он понимал женщину. Чувствовал ее. Жил для нее. Он нашел в себе дерзость сказать: «Я придумал ее прошлое, подарил ей будущее, и так будет даже после моей смерти». Ив Сен-Лоран... Непревзойденный король высокой моды. Признанный мэтр дизайна женской одежды. Великий кутюрье Франции. Соблазнитель миллионов сердец. Одежда из его коллекций признана самой дорогой в мире. Он одевал Катрин Денев и Клаудиа Кардинале, Софи Лорен и Изабель Аджани, Майю Плисецкую и принцессу Диану. Его модели, и это исключительный случай, при жизни, еще в 1983 году, были выставлены как музейные экспонаты в Нью-Йорке. Его марка – это огромная империя, шагнущая уже и в Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.